

А. И. САЙНАХОВА (Москва)

МЕСТОИМЕННЫЕ ЧАСТИЦЫ В МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение частиц по их происхождению представляет большой научный интерес. Материалы разных языков показывают, что частицы этимологически могут быть связаны с местоименными словами, например, русск. *вот*¹, венг. *így-úgy* 'так-сяк'²; они могут восходить к наречиям, например, русск. *прямо, просто, только*³; в основе рассматриваемых служебных слов могут лежать также и глаголы: венг. *látm* 'ведь' (от *látom* 'я вижу')⁴, *hadd* 'пусть' (от *hagyd* 'пусти')⁵ и т. д.

Мансийские частицы в большинстве своем этимологически связаны: а) с местоимениями; б) с именными (наречиями) частями речи; в) с глаголами; они могут быть заимствованы также из других языков.

Рассмотрим лишь ту, с нашей точки зрения, наиболее интересную группу частиц, в которую входят слова, этимологически связанные с местоимениями, а именно: а) с указательными или личными; б) с вопросительными.

Частицы, связанные по происхождению с указательными местоимениями

Частица *ta* генетически связана с указательным местоимением *ta*, имеющим финно-угорскую этимологию.⁶

Местоимение *ta* в мансийском языке указывает на предмет (лицо, явление), отдаленный от говорящего: Со *ta xāpn tālen* 'садись в ту лодку'; Сы *ta pūt βujen* 'возьми тот котел'; Ня *naŋ ta isnas loβten* 'ты мой то окно'.

Частица *ta* может быть: а) указательной; б) усилительной; в) побудительной.

а) Со *numn ta ünli* 'вон наверху стоит (буквально: сидит)'; ВЛ *pā'βāt ta· nēɣ'β's* (MSFOu 111 12) 'вот уже подвода показала'; б) Со *kāsəŋ porat ta namtalāxti* 'и каждый раз дразнится'; Сы *mān nāñiβ ta xolas* 'у нас уже кончился хлеб'; в) Со *xotmus βērmi, ta βāri* 'пусть делает, как может'; Сы *xotmos tanxēp, ta olēp* 'пусть живут, как хотят'.

¹ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка I, Москва 1964, стр. 359.

² G. Bárczi, Magyar szófejtő szótár, Budapest 1941, стр. 132, 323.

³ Грамматика русского языка I, Москва 1952, стр. 639.

⁴ G. Bárczi, указ. раб., стр. 184.

⁵ К. Е. Майтинская, Венгерский язык I, Москва 1955, стр. 288.

⁶ V. Collinder, Fenno-Ugric Vocabulary, Stockholm 1955, стр. 56; К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и в марийских языках, Москва 1964, стр. 7, 20.

Частица *ti* генетически связана с указательным местоимением *ti*, имеющим финно-угорскую этимологию.⁷

Местоимение *ti* в мансийском языке указывает на предмет (лицо, явление), находящийся вблизи говорящего: *Co ti tōtap am βiylum* 'этот ящик я возьму'; *Ob ti āna mān* 'эта чашка маленькая'.

Частица *ti* имеет три основных оттенка значения: а) указательный; б) усилительный; в) временной: а) *Co tōrumn lāβim jurtum ti* 'вот богом нареченный мне супруг'; *Сы nāl tiy ti patās* 'стрела упала вот сюда'; б) *Co am tajmāpās at ti taχsum* 'я поэтому и не хотела'; в) *Ня mān ti minēβ* 'мы уже уходим'; *Ка тэли тэ ха^олэй* (Кузакова, 315) 'зима уже кончается'.

Частица *tit-ti, tet-te* 'вот' представляет собою редупликацию от *ti* и используется при указании на кого-, что-либо с пространственным оттенком значения: *Сы χūriy tit-ti χūji* 'вот (здесь) лежит мешок'; *Ка сāирэнг ло тэт-тэ-я* (Кузакова, 315) 'вот (здесь) белая лошадь'.

Частица *ti ... ta ...* 'вот-вот' образована в результате сочетания рассмотренных выше указательных частиц *ta* 'вот, вон (подальше); и, уже, пусть' и *ti* 'вот (поближе); и, уже' и употребляется с временным оттенком значения: *Co ti риџаџе, та риџаџе* 'вот-вот поймают его'; *Сы ti jūniptaџе, та jūniptaџе* 'вот-вот ударят его'.

Как было отмечено выше, этимологическая общность указательных местоимений и указательных частиц прослеживается во многих языках мира. Приведем некоторые дополнительные примеры из финно-угорских языков.

В ваховском диалекте хантыйского языка⁸ указательные местоимения в краткой форме (*t'u, t'y*) нередко употребляются в отличие от полной атрибутивной формы (*t'ut, t'yt*) и в качестве указательной частицы: *t'u lārlārsä, t'u lārlārsä* 'вот ждал его, вот ждал его'; *t'y mānväl, mānväl* 'вот едет, едет'.

В коми⁹ языке имеются указательные частицы *so* 'вот (тот)', *to* 'вот (этот)'; в удмуртском языке¹⁰ представлены указательные частицы *tani* 'вот (здесь)', *tini* 'вот (там)'. Приведенные указательные частицы в коми и удмуртском языках этимологически связаны также с указательными местоимениями (коми *tajō* 'этот', *sijō* 'тот'; удм. *ta* 'этот, эти' и т. д.).¹¹

Частицы, связанные по происхождению с личными местоимениями

Частица *naη* по звуковому составу совпадает с личным местоимением 2-го лица ед. числа *naη*, этимологически восходящим, по-видимому, к указательному местоимению с основой типа **n-(ñ-)*¹², имевшемуся в финно-угорском языке-основе, но не сохранившемуся в современном мансийском языке.

⁷ В. Collinder, указ. раб., стр. 62; Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 207; К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, стр. 14.

⁸ Н. И. Терешкин, Очерки диалектов хантыйского языка, I, 1961, стр. 69.

⁹ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 379.

¹⁰ Там же, стр. 379.

¹¹ Там же, стр. 206; в книге Б. А. Серебренникова в формах *tani, tini* твердые *n*, по-видимому, опечатки.

¹² К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, стр. 29.

Местоимение *naŋ* в современном мансийском языке употребляется: а) как собственно-личное местоимение 2-го лица ед. числа; б) как лично-притяжательное местоимение 2-го лица ед. числа.

а) Со *naŋ sãβ βãŋən* 'ты много знаешь'; Сы *am naŋənn nēmatər at miŋum* 'я тебе ничего не дам'; ВЛ *nãŋn mãn iðmšak_u k̄χu^orptilaβ* (MSFOu 111 13) 'мы тебя хорошо устроим (спать)'; Ка *nãg am iã^orэмнэ лэнэн* (Кузакова, 311) 'ты иди вместо меня';

б) Со *naŋ sōβtn tāriñtas?* 'твое лукошко наполнилось?'; Сы *naŋ kiŋšten ñila sort alas* 'твой (старший) брат (слово *kiŋšten* в мансийском языке дано в ласкательной форме) добыл четыре щуки'; Ня *naŋ šãñn jomas* 'твоя мать хорошая'; Об *naŋ supn pełãmli* 'твое платье желтое'.

Частица *naŋ* выступает в усилительно-экспрессивной функции: Со *ti naŋ taβ βãne nēte* 'это же (ведь) его знакомая (женщина)'; Со *taβ naŋ saka potrəŋ* 'она же (ведь) очень разговорчивая'; Со *tãn naŋ sãβ māt jalasãlēŋt* 'они же (ведь) во многих местах бывают'; Сы *tãn naŋ šoləŋ rūt ēruptēŋt* 'они же любят богатую родню'; Сы *mēn naŋ ōlne fēmmēn ti* 'мы (двое) ведь (вот так) и живем'; Ня *am naŋ ta porat tot rūpitasm* 'я же (ведь) тогда там работала'; Ня *tēn naŋ akβχuripaŋ* 'они (двое) же (ведь) одинаковые'; Об *taβ naŋ alas atχu^ojpluβ lēŋən, tajimãŋəs ēsijxati* 'он же (ведь) убил пятнадцать белок, поэтому хвастает'.

Частица *taβ* по звуковому составу совпадает с личным местоимением 3-го лица ед. числа *taβ*, имеющим финно-угорское происхождение.¹³

Местоимение *taβ* в современном мансийском языке употребляется: а) как собственно-личное местоимение 3-го лица ед. числа; б) как лично-притяжательное местоимение 3-го лица ед. числа.

а) Со *taβ pil βãtunkβe jaləs* 'она ходила по ягоды'; Со *taβ χãr βãri* 'он делает лодку'; Сы *tũp taβen mislum* 'весло я отдала ему'; Сы *am taβe ēruptilm* 'я ее люблю'; Ня *mãn taβ palte joχtsuβ* 'мы приехали к нему';

б) Со *am taβ supe posēŋt* 'я стираю его рубашку'; Сы *mēn taβ jurte βãŋlumēn* 'мы (двое) знаем его друга'; Ня *mãn taβ kole untteβ* 'мы строим его дом'.

Частица *taβ* имеет усилительный оттенок значения: Со *taβ man χot χiñ tũjtil(u)m* 'я же разве спрячу'; Сы *taβ man ta janit šōχlaŋ* 'что же это за (излишнее) баловство'; Ня *taβ man akβaŋ βōj* 'зачем же тебе (вам) все время масло (буквально: что же все время масло)'; Ня *taβ bus χolimen* 'и пусть умрем мы (двое) (буквально: скончаемся)'.

Частица *maj* по звуковому составу совпадает с личным местоимением 1-го лица мн. числа *mãj (maj)*, характерным для верхне-лозьвинского говора северного наречия; в других проверенных нами наречиях (говорах) вместо *mãj (maj)* мы имеем *mãn*. Формы *mãn* (Со, Сы, Ня, Об, ВЛ), *mãj (maj)* (ВЛ) имеют финно-угорскую этимологию.¹⁴

Местоимение *mãn (mãj, maj)* в современном мансийском языке употребляется: а) как собственно-личное местоимение 1-го лица мн. числа; б) как лично-притяжательное местоимение 1-го лица мн. числа.

¹³ Y. H. Toivonen, Suomen kielen etymologinen sanakirja I, Helsinki 1955, стр. 97, 98; E. N. Setälä, Zur finnisch-ugrischen lautlehre. — FUF II 1902, стр. 252; К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, стр. 48.

¹⁴ Y. H. Toivonen, E. Itkonen, A. J. Joki, Suomen kielen etymologinen sanakirja II, Helsinki 1958, стр. 343; К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, стр. 40.

а) Со *mān tiχōtal at minēβ* 'мы сегодня не поедem'; Со *mān χūl ala-suβ* 'мы добыли рыбу'; Сы *taβ mānaβ at kāsalaste* 'он нас не заметил'; Сы *mānaβn nēmatər at ēri* 'нам ничего не нужно'; ВЛ *mān tāra minēβ, mā-i kχōttā šai pätti:lēβ* (MSFOu 111 17) 'мы мимо поедem, мы где-нибудь (в другом месте) устроим привал (буквально: чай вскипятим)';

б) Со *mān pāβluβ janīy* 'наша деревня большая'; Сы *mān pāluβ pāχβəŋ* 'наши нары широкие'; Ня *mān koluβ mān* 'наш дом маленький'.

Частица *maj* выступает в усилительно-экспрессивной функции: Со *am maj taβen χūrum šos lāβsasum* 'я же (ведь) ему три раза говорила'; Со *taβ maj ōs tox lāβsas* 'он же (ведь) тоже так говорил'; Со *taβ maj nar lāpləl jaləs* 'он же (ведь) босиком ходил'; Щ *naŋ maj ōs akβtamle, tajimāpəs at napaβen* 'ты же (ведь) тоже такой, поэтому тебя и не трогают'; Сы *am maj ōs tamle saχi dšsum* 'у меня же (ведь) тоже такая шуба была'; Об *taβ maj taki ōlunke at χāsi* 'он же (ведь) сам не умеет жить'; необходимо особо подчеркнуть, что частица *maj* используется также для подчеркивания прошедшего действия: Со *mān maj tōnt nān laltən ti joχtsuβ* 'мы (помню) тогда пришли вам навстречу'; Сы *am maj aŋēkβam palt ōlsəm* 'я жила (тогда) у бабушки (по материнской линии)';

Частица *taj* по звуковому составу совпадает с личным местоимением 3-го лица мн. числа *tāj* (*taj*), по-видимому, характерным так же, как *māj* (*maj*) для верхне-лозьвинского говора северного наречия; в других проверенных нами наречиях (говорах) вместо *tāj* (*taj*) мы имеем *tān*.

Формы (Со, Сы, Ня, Об, ВЛ) *tān*, (ВЛ) *tāj* (*taj*) генетически восходят к указательному местоимению *ta* 'тот', имеющему финно-угорскую этимологию.¹⁵

Местоимение *tān* (*taj*) в современном мансийском языке употребляется: а) как собственно-личное местоимение 3-го лица мн. числа; б) как лично-притяжательное местоимение 3-го лица мн. числа.

а) Со *tān ēt palit tolyəst* 'они невелили всю ночь'; *naŋ tānanəl keten* 'ты отправь их'; Сы *tān tot āfimət* 'их там нет'; Сы *tānanəlŋ fit sort majēn* 'дайте им две щуки'; б) Со *tān pum kananəl tiyl ti ōβaltaχti* 'их покос отсюда и начинается'; Сы *tān pormasanəlŋ ul naχχatēn* 'не трогайте их вещи'; Ня *tān ašanəl iŋt joχti* 'их отец еще не приехал'.

Частица *taj* употребляется в усилительно-экспрессивной и определительной функциях.

а) Со *taβ taj iŋ mān* 'он же (ведь) еще маленький'; Сы *ti taj pēs kol* 'это же (ведь) старый дом'; Ня *taβ taj nān totunkβe jals* 'он же (ведь) ездил за хлебом';

б) Со *rūpata taj χolne nak χuŋ oŋši* 'работа-то не имеет конца (буквально: работа-то разве имеет кончающий момент)'; Сы *ti olnəl t(e) sōrak βojlanuβe, taj manər saβ* 'если бы на эти (немногие) деньги покупали сапоги, то не было бы мучения'; Ня *am taj minēyrt, a naŋ χimus pomsēyn, am at βāpləm* 'я-то (конечно) поеду, а как ты думаешь (ступишь), я не знаю'.

Частица *taj* 'ведь, же' в коми языке, по нашим предположениям, заимствована из мансийского языка.

Частица *taχ* в мансийском языке представляет собою вариант только что рассмотренной частицы; она, по-видимому, образовалась в результате чередования согласных звуков *j ~ γ ~ χ* (*taj ~ taγ ~ taχ*). Частица *taχ* служит для подчеркивания будущего действия: Со *am taχ pōls*

¹⁵ См. ссылку 7.

tòteym (MSFOu 109 117) 'я нажалуюсь'; *Co ti nake xoli, taχ òs aširmaγ jemtī* 'этот период пройдет, опять будет холодно'; *Сы tajaχnuβ taχ jalēβ* 'попозже сходим'; *Ня ul minen, taχ juβ tājaraβen* 'не ходи, съедят тебя'; *Об ājam taχ joχti* 'моя старшая сестра придет'; *ВЛ am taββe taχ šamiūniγtilm* (MSFOu 111 42) 'я его убью'.

Этимологическую общность указательных частиц и указательных местоимений можно объяснить тем, что в глубокой древности, как об этом неоднократно упоминалось, указательные слова употреблялись как в функции указательных частиц, так и в функции указательных местоимений и указательных наречий.¹⁶ Из указательной у соответствующих частиц развились со временем и другие функции.

Однако в мансийском языке имеются четыре частицы, явно совпадающие по форме с личными местоимениями, а между тем переход личных местоимений в частицы встречается довольно редко, хотя отдельные примеры все же выявляются, например, финская суффиксальная частица *-han, -hän* (<личное местоимение 3 л. ед. ч. *hän* 'он, она, оно').¹⁷

Совпадение в мансийском языке частиц с личными местоимениями не может быть объяснено так, как мы объяснили выше совпадение частиц и указательных местоимений. Приведенные нами частицы *ta, ti*, как и местоимения *ta, ti*, представляют собой несуффиксированные формы, и поэтому вполне допустимо, что в современном мансийском языке сохранилось то древнее состояние указательных слов, когда они еще регулярно употреблялись как в функции частиц, так и в функции местоимений или наречий (см. выше).

В отличие от частиц *ta, ti* частицы *naη, taβ, maj, taj (taχ)* представляют собою суффиксированные формы так же, как и соответствующие им личные местоимения. Поскольку суффиксированные формы являются вторичными, то в данном случае мы имеем дело не с исконным свойством каких-либо древних корневых слов выступать как в функции частиц, так и в функции личных местоимений; указанное совпадение можно объяснить только тем, что одна из функций была производной от другой; в данном случае функция личного местоимения должна считаться основной, а функция частиц — вторичной.

Каким путем происходило преобразование личных местоимений в частицы?

По всей вероятности, для усиления местоименного понятия, для более быстрого побуждения к действию того или иного лица и т. д. говорящий прибегал к повторному употреблению личных местоимений: *Со am, am minēym* 'я, я пойду'; *Со taβ, taβ βos jali* 'он, пусть он сходит'; *Со mān, mān at i jalsuβ* 'мы, мы и не сходили'. С течением времени второе слово местоименного повтора обособилось от первого местоимения и стало употребляться либо с любым другим местоимением, в том числе и с любым личным местоимением (см. примеры выше), либо с любым существительным, обозначающим лицо (предмет), придавая последнему тот или иной смысловой оттенок (*Сы ātam taj ul jun χulti* 'отец-то, наверно, останется дома').

Таков, по нашему предположению, путь развития указанных частиц от соответствующих личных местоимений.

¹⁶ К. Е. Майтинская в этом отношении обратила наше внимание на работу D. Fokos, *A névragozás történetéből.* — *NyK LVIII* 1956, стр. 66.

¹⁷ Л. Хакулинен, *Развитие и структура финского языка I*, Москва 1953, стр. 213.

Частицы от личных местоимений как в мансийском языке (*naŋ, taβ, maj, taj (taχ)*), так и в финском¹⁸ (*-han, -hän*) являются довольно «молодыми», поэтому они еще не успели обособиться по звуковому составу от соответствующих личных местоимений.

Любопытно, что в частицы чаще и легче всего переходят, по-видимому, личные местоимения 3-го лица, ср. финскую частицу-суффикс *-han ~ -hän* (< личное местоимение 3 л. ед. ч. *hän* 'он, она, оно'), мансийские *taβ* 'и, же'; *taj* 'же (ведь)'; -то, то' (< личные местоимения 3 л. ед. и мн. ч. *taβ* 'он, она, оно', *tān (tāj, taj)* 'они'). Это объясняется, по всей вероятности, тем, что местоимения 3-го лица близки к указательным местоимениям.

Частицы, связанные по происхождению с вопросительными местоимениями¹⁹

Частица *χи́н* (*χ̄in, χin, ^kχ̄in*) совпадает с вопросительным местоименным наречием *χи́н* 'когда', корнем которого в финно-угорском языке-основе был **k̄s̄*.²⁰

Частица *χи́н* (*χ̄in, χin, ^kχ̄in*) выступает в вопросительно-утвердительно-функциональной функции: Со *am ... p̄i-γt iγ-n χ̄i-n ōli?! (MSFOu 109 129)* 'мой сын разве дома будет сидеть (буквально: находиться)?!'; Сы *mān minne l'ōŋχiβ at χín βāγliβ?! 'мы разве не знаем дорогу, по которой поедим?!'; Об am naŋ pal'tn χ̄in joχtsum?! 'я разве к тебе приехала?!'*

Частицы от древнего корня воспросительных слов (**k̄s̄*) имеются и в некоторых других финно-угорских языках. Так, в казымском диалекте хантыйского языка выявляется частица *χən* 'разве'; в финском языке представлена вопросительная частица-суффикс *-ko ~ -kö*.

Частица *man* (*māt*) является усеченной формой вопросительного местоимения *mānr* (*manər, mānər; mannər*), имеющего финно-угорскую этимологию.²¹

Приведем несколько примеров употребления вопросительного местоимения *mānr* (*manər, mānər; mannər*) в современном мансийском языке: Со *naŋ mānr βāreγn?* 'что ты делаешь?'; Сы *taβ manər (mānər) totəs?* 'что он принес?'; Ня *mān taβe manarəl jūntilūβ?* 'чем мы его зашьем?'

Частица *man* (*māt*) имеет воспросительно-утвердительно-оттеночный оттенок: Со *am man taβ palte χosa ōlsum?* 'я разве долго была у нее?'; Сы *naŋ man ēlmχōlas at βāšntasən?! 'ты разве (никогда) людей не видел?!'; Сы taβ man tit not ōlunkβe nomsi?! 'он разве намерен жить два века?!'; Ка *nāg vāipnng māt lot a'т перма'т?* (Кузакова, 315) 'тебя разве подопные лошади не выдерживают?'*

По нашим приблизительным подсчетам, в мансийском языке имеется около 40 частиц; частицы, имеющие отношение к различным местоимениям, составляют больше трети этого количества.

Но особенностью местоименных частиц в мансийском языке является не их относительно большое количество по сравнению с другими частями, а то, что четыре из них совпадают по звуковому составу с личными местоимениями.

¹⁸ Л. Хакулинен, указ. раб., стр. 213.

¹⁹ Из указанной группы частиц в данной статье будут рассмотрены только две основные.

²⁰ У. Н. Тоивонен, Е. Итконен, А. Ј. Јокі, указ. раб., стр. 230; К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, стр. 34.

²¹ У. Н. Тоивонен, Е. Итконен, А. Ј. Јокі, указ. раб., стр. 343, 344; К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, стр. 40.

Сокращения

Кузакова — Е. А. Кузакова, Служебные части речи южно-мансийского (восточного) диалекта. — Просвещение на Советском Крайнем Севере, вып. 8, Ленинград 1958. **MSFOu 109** — Wogulische Volksdichtung II. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola (=MSFOu109), Helsinki 1955; **MSFOu 111** — Wogulische Volksdichtung III. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola (=MSFOu 111), Helsinki 1956.

ВЛ — верхне-лозьвинский говор северного наречия; **Ка** — карымский говор восточного наречия; **Ня** — няксимвольский говор северного наречия; **Об** — обский говор северного наречия; **Со** — сосьвинский говор северного наречия; **Сы** — сыгвинский говор северного наречия; **Щ** — говор. дер. Шекурья.

A. I. SAINACHOVA (Moskau)

DIE PRONOMINALEN PARTIKELN IN DER MANSISCHEN SPRACHE

In der mansischen Sprache gliedern sich die pronominalen Partikeln in drei Gruppen: 1) Partikeln, die ihrer lautlichen Struktur nach mit den Demonstrativpronomina zusammenfallen: *ta* 'sieh dort, es mag sein' (vgl. *ta* 'jener, jene, jenes'); *ti* 'sieh da, schon'; *tit-ti, tet-te* 'da (hier)' (vgl. *ti* 'dieser, diese, dieses'); *ti ... ta* 'jeden Augenblick' (vgl. *ta* 'jener, jene, jenes'; *ti* 'dieser, diese, dieses'); 2) Partikeln, die ihrer lautlichen Struktur nach mit den Personalpronomina zusammenfallen: *naŋ* 'ja (aber, doch)' (vgl. *naŋ* 'du'); *taβ* 'auch, aber, doch' (vgl. *taβ* 'er, sie, es'); *maj* 'aber, doch (ja)'; außerdem wird *maj* gebraucht, um die Vergangenheit einer Handlung zu unterstreichen (vgl. *mān* [*māj*, *maj*] 'wir'); *taχ* — eine Variante der Partikel *taj* — wird gebraucht, um eine zukünftige Handlung zu unterstreichen; *taj* 'ja (aber, doch)' (vgl. *tān* (*tāj*, *taj*) 'sie'); 3) Partikeln, die ihrem Ursprung nach mit den Fragepronomina zusammenhängen: *χuń*, *χūn*, *χun*, ^k*χūń* 'wahrlich' (vgl. *χuń*, *χūn*, *χun*, ^k*χūń* 'wann?'); *man* 'wahrlich' (vgl. *mānr*; *manər*, *mānər*; *mannər* 'was?').

Pronominale Partikeln werden in der mansischen Sprache hauptsächlich in demonstrativen, expressiven und fraglichbejahenden Funktionen gebraucht. Für die Partikeln, die ihrem Ursprung nach mit den Demonstrativpronomina, Fragepronomina und Personalpronomina zusammenhängen, können analoge Bildungen auch in einigen anderen finnisch-ugrischen Sprachen gefunden werden.

Die Besonderheit der pronominalen Partikeln im Mansischen besteht darin, daß unter ihnen vier (d. h. eine große Zahl) Partikeln vertreten sind, die ihrer lautlichen Struktur nach mit den Personalpronomina zusammenfallen.